

КРИЧИ ГРОМЧЕ

ЕЛЕНА ТОДОРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т50

Тодорова, Елена.
Т50 Кричи громче / Тодорова Елена. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 320 с. — («Твоя любовь») ISBN 978-5-17-173905-8

Она для него всегда была под запретом. Дочь друзей его родителей. С детства они устраивали друг другу диверсии, дрались и спорили по каждому пустяку. Но он никогда не давал ее в обиду посторонним.

Все умещалось в дружеские рамки. Пока по глупости и неосторожности они не оказались запертыми в секретном бункере. И там... Все их чувства вырвались за границы дозволенного.

Молодые. Дурные. Горячие.

Двадцать семь дней. Он. Она. И тишина.

В романе содержится много откровенных эротических сцен и нецензурная лексика.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-173905-8

© Тодорова Е., текст, 2025.
© ООО «Издательство АСТ», 2025.

Внимание: в данной книге присутствуют сцены, связанные с запрещенными веществами. Эти эпизоды не являются пропагандой или оправданием незаконного поведения. Напротив, автор осуждает употребление запрещенных веществ и стремится показать их разрушительное воздействие на личность и общество. Вся информация представлена исключительно в художественных целях и с целью предостережения!

Пролог

— Давайте с самого начала. И как можно подробнее, — майор прищуривается и поджимает губы, пока те не исчезают за густыми седыми усами. — Когда вы заметили, что ваши дети пропали?

Мы с Градским практически одновременно яростно выдыхаем и напряженно пересекаемся взглядами. Его сын и моя дочь пропали три дня назад, а воз, сука, и ныне там. Только показания по десятому кругу даем.

Ева, моя жена, с выдержанной сухостью повторяет то, что говорила вчера:

— Маша и Ярик исчезли в ночь с первого на второй день свадьбы. Мы собирались ехать в церковь на венчание. Уже подходило время выезжать, а дочь все не появлялась. Я подумала, что она проспала. Поэтому пошла к ней в комнату, чтобы разбудить.

— Вы вошли, но Марии в спальне не оказалось?

— Да.

— Раньше бывало, что она так пропадала?

— Нет.

— Могла не ночевать дома?

— Всегда ночевала. Иногда приходила поздно, но я никогда не беспокоилась, потому как знала, что она приедет с Яриком.



— Сейчас подробнее о нем, пожалуйста. Я буду вносить в протокол.

— Тоже мне рассказывать?

Взглянув на горестно всхлипывающую мать Ярослава, майор кивает.

— Мы с Градскими дружим примерно двадцать пять лет. Практически все это время живем по соседству. Наши дети проводят вместе много времени. У Сережи и Ники два сына, у нас только Машка. Но они все как родные.

— Свадьба была у старшего сына Градских?

— Да, у Никиты. Ярослав — младший. Они с Машей ровесники, родились в один день.

— Какие у них отношения?

— Я же сказала, все трое как родные. Они постоянно, перебежками, носились из дома в дом, вместе играли, ходили в школу. Все праздники тоже вместе.

— Хм... Нет, сейчас только касательно Ярослава и Марии. Могла у них быть любовная связь?

— Нет, — отвечает Ева без заминки.

Но лично я, учитывая некоторые предшествующие события, не настолько уверен.

— Хм... Ладно. По вашему мнению, они могли сбежать?

— Они хорошие дети, — вставляет дрожащим от эмоций голосом Ника. — У них не было причин убежать.

Полицейский качает головой и пожимает плечами.

— К сожалению, очень часто дома и за его стенами наши дети — это разные люди.

— Давайте без вот этой дерьмовой философии. Займитесь лучше поиском, — цежу я, теряя терпение. — Если с ними что-нибудь случится, я этот горod с землей сровняю.



— Мы понимаем ваши переживания, Адам Терентьевич, — прокашлявшись, нудит майор все тем же бубняще-бездушным тоном. — И делаем все, что в наших силах, чтобы их найти. В частности, прорабатываем различные версии. Старайтесь сохранять спокойствие...

— Это, мать вашу, мой ребенок! Ее три дня нет дома! Как я могу быть спокоен?!

— Я понимаю... Поверьте мне, понимаю, — с хрипом вздыхает. — Возможно, есть люди, которые желают вам зла?

— Вы знаете, кто я такой. Конечно, есть.

— Хорошо, хорошо... Сейчас давайте так... Что они делали, когда вы видели их в последний раз?

— Танцевали. Перед этим Яр отозвал меня, — проговариваю то, что уже сообщал. — И предупредил, что они с Машей поедут кататься.

— И вы разрешили?

— Почему я должен был не разрешать? Им семнадцать. Они оба адекватные. И не пьющие.

— То есть алкоголь они точно не употребляли?

— Маша, в принципе, не употребляет алкоголь. У Ярика подготовка к чемпионату.

— А чемпионат у нас по чему?

— Боевое самбо. Он в составе сборной.

— Хорошо. В соцсетях Марии последние фотографии у моря. Поймите меня правильно... Мы подключили водолазов. Делаем все, что в наших силах. Но... В общем, это море. Не всех быстро находят.

— Ты, сука, что такое городишь??? — взрываюсь я. — Они живы! Живы! Понятно всем??? — оглядываю находящихся в кабинете. Глаза блестят даже у моей стальной Евы. Приседаю рядом на корточки, начав на всех и вся. — Если она с Яриком, он ее в обиду не даст.



— А машину Ярика нашли на окраине города. Но нет никаких улик, указывающих на то, что с ним находился кто-то еще. В салоне был только его телефон. Кстати, интересная у них с Марией аудиопереписка. Давайте, послушаем.

Жмет на экран.

— Ты на хрена меня сдала, святоша? Знаешь же, что я захочу, шею тебе сверну!

— Убейся об стену, Ярик! Не сдавала я тебя. Мне, в принципе, пофиг, где ты и с кем. Это все Ридер.

— Это последнее. А вот за пару дней до этого... Спортсмен Ярик, кхм... — снова касается экрана.

— Выходи гулять, святоша. Жду во дворе.

— Ты пьян, что ли?

— Совсем чуть-чуть.

— Ладно. Мне как раз скучно. Выйду, если пообещаешь не снимать с меня платье.

— А приподнять?

— Застрелись, Градский!

— Прекращай уже ломаться, святоша. Ты виде-ла мой член, — приглушенно смеется. — Все равно потом женюсь на тебе, Маруся. Так завещал папа Тит. Лет через пятнадцать. Не раньше.

— Сплюнь, Ярик! Папа пошутил. Я за тебя никогда в жизни не выйду. Даже если мы останемся одни на целом свете! Твой член... — громко и прерывисто вздыхает. — Мы же договорились не вспоминать об этом... Сволочь ты, Градский.

Аудиозапись заканчивается, и в кабинете повисает звенящая тишина. Нам всем после такой информации, да и, в принципе, после «живых» голосов наших детей едва удастся сохранять невозмутимый вид.

— Тут также много видеозаписей, на которых они вдвоем. И фотографий — тьма. Если они друг



друга, судя по всему, не выносят, почему проводят так много времени вместе?

Град, с перекошенным от ярости лицом, нависает над столом майора.

— Телефон сюда отдал!

— Серёжа, прекрати, — одергивает его жена. — Они просто отрабатывают версии. Пусть остается.

Сжимая челюсти, вдыхаю через нос.

— В вас говорят эмоции...

— Конечно, бл*дь, в нас говорят эмоции, — звериным ревом его останавливаю. — Наши дети пропали! Если ты их не найдешь, я тебя, сука, сгною.

7

Глава 1 Ярослав

Эх, Одесса... Веселый южный край. Свадьбу брата гуляем у моря, в крутом ресторанном комплексе. Первого спихнули, мама от счастья плачет. А мне еще рано, конечно. Ну, на хер... Даже думать о таком не берусь.

Краем глаза цепляю толпу. Назад, назад... Реактивная перемотка.

Машка Титова. Якорь. Ступор. Падаем.

Твою мать...

С Титовой — главное уметь вовремя сгруппироваться. Я умею. Я думаю, что умею. Ноги сами к ней несут.

Да чё за херня?

Притормаживаю себя. Не дай Бог, подумает, что я за ней волочусь. Широко ухмыляясь, опускаю ладони в карманы. Распрямляю плечи и, выкатив грудь колесом, характерной развязной походкой иду под заводные ритмы «Семь сорок» прямо на Машку.

КРИЧИ ГРОМЧЕ



ЕЛЕНА ГОДОРОВА

— Вай, Титова! — присвистываю, нагло оглядывая ее с ног до головы.

— Вай, Градский, — в тон мне отзывается.

И вовсе не ее вздыбленное блестящее платье меня впечатляет настолько, что брюки в паху раздувает.

Ну вот, святоша, теперь мы одинаково нарядные...

*Черт, о чем я, бл*дь, думаю?!*

И снова ее — с головы до ног. Загоротило.

— Ты зачем такая красивая?

— Чтоб ты заметил!

— Я заметил, — кивком подтверждаю. Чуть прищурившись, смотрю в ее смеющиеся глаза. — Пошли танцевать?

Кладу руки на талию, но она локтями толкается, не позволяя, как положено, притянуть.

Я ее сейчас до хруста, черт...

— Отстань, Ярик.

— Очень вяленько, святоша. Можешь не ломаться. Я знаю, что ты весь вечер этого ждала.

— С тобой танцевать? — от негодования забавно щеки надувает и тут же с возмущением сдувает. — Пффф...

Не сдержавшись, смеюсь, рискуя пустить кровь на подживших ссадинах. От боли почти сразу же морщусь и сдвигаю губы трубочкой.

— Черт... Иди сюда, Маруся ты Титова, — крепче ее хватаю.

Она вроде и сопротивляется, но я-то знаю, что ей это нравится. Специально меня доводит, зараза такая!

— Ненавижу, когда ты меня так называешь! Сейчас лицо тебе расцарапаю.

— А я ненавижу, когда ты шипишь, как перекись водорода.



— Я сказала, отвали, Градский, — на серьезных щах в грудь меня лупит.

— Ну, все-е-е, — протягиваю с утробным гулом, как делал в детстве, желая ее по-настоящему испугать. — Мое терпение закончилось, святоша, — Машка визжит и дергается, а я, разрываясь от смеха, пытаюсь и дальше выглядеть злым Бармалеем. — Сюда иди, на хрен... — скручиваю ее и прижимаю к себе спиной.

Вырваться-то у нее не получится. Я это знаю. Она это знает.

Прижимаю крепче и, на мгновение прикрывая глаза, медленно выдыхаю. Это просто танец такой... Под «Хава Нагила», ага.

Пиздец...

На самом деле, конечно, бессовестно лапаю. Не знаю, зачем... Почему мне так хочется именно ее... Где там папа Тит? Лучше ему этого не видеть.

Я стараюсь не думать о Машке Титовой. Я действительно стараюсь, понятно вам? Но... Коротко, чтобы вы понимали, если мне приходится дрочить, представляю всегда Машку. Хотя голой ее никогда не видел. Почему-то в голову постоянно она лезет. Если порно включаю, ищу похожую. И под конец машинально глаза закрываю. Кончаю с ней. Даже когда другую трахаю, кончаю с ней.

Чертовщина какая-то... Помешательство.

Я помню Машку сопливой, с разбитыми коленками, с уродскими бантами в первом классе, в крапинку ржачную во время ветрянки... Но я помню и то, как у нее выросли сиськи и знатно округлилась задница. Помню, как сам превратился в агрессивного придурка, готового разбить рожу каждому, кто так же, как и я, посмеет это заметить.

Святоша идет к своей великой мечте — стать президентом страны. Да-да, я правильно выразил-



ся, а вы правильно прочитали. Именно поэтому она, класса с пятого, рьяно следит за своей репутацией. Я сам от этой информации хренею! Но... Это Маруся Титова. Да, именно такая она. Амбициозная, манерная, правильная, с задатками стервы.

Моя добрая высокоморальная мама часто повторяет: «Ты к Маше должен относиться как к сестре».

Эге-гей, ебанный Гондурас... Вы все где вообще?

Мне это ни в какое ухо не влетает. Ну что, я виноват, если мой член яростно сопротивляется против этого заявления?

Однако мне, безусловно, на хрен не сдались проблемы. А они обеспечены, если я трону единственную и ненаглядную доченьку Титовых.

— Ярик, прекрати уже... Ярик...

Разжимая ладони, позволяю Машке развернуться. Повторяю попытку обнять нормально, как положено в танце.

— Стой уже. Ничего я тебе не сделаю, — смотрю в широко распахнутые, настороженные глазища.

— Еще бы ты попытался мне что-то сделать!

— Ай-яй-яй... Ты. Меня. Провоцируешь. Святоша.

— Вот это видел? — средний палец мне тычет.

Ну, это мы уже сто раз проходили. Хотя обидно, конечно. Ко всему прочему, увиденное долбаным ором комментирует какая-то расфуфыренная мадам, и гогочет ее пьяный мужик.

Повторить бы Машкин жест в их сторону... Но я же у мамы типа воспитанный. Ах, один хрен, завтра эта пьянь ни черта не вспомнит. Склеив убийственную рожу, повторяю.

— Ярик!

Понимая, что танца у нас никакого не получится, дергаю девчонку за руку и уволакиваю в сторону.

— Поедем, покатаемся, Маруся.



— Меня сейчас папа искать кинется, — придумывает на ходу.

Но я все ее фишки давно просек:

— Не будет он тебя искать. Я предупредил, что ты со мной.

— Предусмотрительный, мерзавец! Не понимаю, почему он тебе так доверяет... — продолжает бубнить Машка, пока я веду ее сквозь толпу к выходу на террасу.

— Может, потому, что видит во мне то, чего не замечаешь ты?

Танцпол разрывает очередная быстрая композиция, и нам приходится изловчиться, чтобы просочиться сквозь гарцующих гостей. Смеясь, прокручиваю Машку и снова, якобы с целью протолкнуться в узкий зазор между гостями, жмусь к ее заднице.

— Как ты меня бесишь, Ярик... — пищит и зажмуривается точно так же, как в тот раз, когда я обманом протащил ее на американские горки.

— Взаимно, святоша, — рвано выдыхаю ей в ухо.

Отпускаю, только когда в дверь просовываемся. Сбегая вниз по мощеным ступеням, веду Машку к морю. Она в своих лаковых туфельках в песок проваливается и едва поспекает. Показываю, чтобы снимала. Тут она благоразумно слушается.

Жара, несмотря на вечер, стоит непереносимая. Свежий морской ветерок никак ее не ослабляет. У меня в этих брючках со стрелками уже яйца вспотели. За Марусей обувь скидываю, стягиваю носки, и подкатываю штанины практически до колен. Все это добро на песке оставляем и двигаемся ближе к воде.

Музыка постепенно стихает. Остается за нашими спинами лишь приглушенными басами. Наконец можно нормально разговаривать.

— Пару лет назад ты грозился меня утопить.



— Шесть лет прошло, — уточняю. — Мы повзрослели.

— Повзрослела я. Ты такой же придурок. На прошлой неделе обещал свернуть мне шею.

— Я шутил, ты же знаешь.

Вырывает ладонь. Я, незаметно вздыхая, отпускаю. И за ней иду. Я всегда за ней иду. Да, даже когда мне хочется свернуть ее долбаную изящную шею.

У пенной морской кромки так же позволяю ей шагать чуть впереди. Сам, закладывая руки в карманы, следом двигаюсь. Жадным взглядом ползу вверх по ее ногам. Она оборачивается и ловит момент, когда задницу ее рассматриваю.

— Ярик... Сильно ругали? — спрашивает Машка, меняя тон.

— За что?

— За то, что подрался перед самой свадьбой. Красиво же ты со своей побитой рожей в ЗАГСе смотрелся. Как преступник. Костюм не спасал. Дяде Сереже перед «органами», наверное, очень стыдно было.

— Да не смейся! — и вовсю ржу. — Пару царапин. Все решили, что это после тренировок. Я — чемпион, помнишь?

— Да уж! Когда это тебя там так метелили?

— Маруся... Меня, в принципе, нельзя отметить. Нигде, — с чрезмерной снисходительностью поясняю ей. — Вот это все — ерунда.

Вставляю между губ сигарету. Подкуривая, морщусь от саднящей боли в губе.

— Бл*дь... — ерунда, ага.

— Сильно болит? — выдыхает Машка с претензией на волнение.

Черт... Упустил момент, когда она приблизилась. Замираем в клубах дыма, пока ветер не подхватывает его, чтобы унести в темноту.



— Ты поцелуешь, если скажу, что да? — голос отчего-то сильно садится.

Это и меня, и Титову смущает.

— Дурак, — но привычной силы в этом обзывательстве нет.

Вероятно, потому, что она его практически шепотом выдыхает. Слегка наклоняясь, удерживаю ее взгляд и с потрясением отмечаю, как мощно может накручивать банальный визуальный контакт. Горит и грохочет в груди. Наваливает, будь здоров!

Твою мать...

— Все. Поехали, святоша, — поднимая руку, гремлю перед ее лицом ключами от машины. — Крутое место покажу, — докуриваю уже на ходу.

— Правда, крутое? — ведется «сеструля».

Слышу, что идет за мной, и ухмыляюсь.

— Ага. Тебе понравится.

— Очень сомневаюсь... Просто не хочу, чтобы ты куда-то встрял.

— Если не хочешь, поехали.

Ах, Одесса... Город спекулянтов. Я, Ярослав-Божиче-Градский, спекулирую чувствами девчонок. Иногда это и с Машкой срабатывает. Я — всемогущий!

— Стой, — машинально оборачиваюсь на этот окрик. — Обними меня. Я фотку сделаю, — опускаю руку поверх ее плеч и неосознанно глубже вдыхаю. Черт, зачем она так пахнет? — Улыбаемся... — вместо этого я на вспышке сильно хмурюсь. Зато Маруся вовсю лыбится. Зашкаливает. — Все!

Прочищаю горло, когда она ускользает.

— Все?

— Теперь поехали, — сама мне в ладонь руку вкладывает.

Ну, поехали, святоша...

Веселье начинается.



Глава 2

Мария

У меня в жизни все расписано. Я люблю порядок. Как в мыслях, так и в душе. Ярослав Градский во все привносит хаос. С ним никакие постулаты не срываются. Он играет без правил. Он любому способен вскружить голову. Имя свое забудешь, не то что какие-то там принципы.

Ярик — это тот самый парень в компании, на которого все смотрят, разинув рот. Если вы войдете в помещение, заполненное толпой людей, он станет первым, на кого вы обратите внимание. И, скорее всего, неизбежно продолжите наблюдать за ним, пока будет оставаться такая возможность.

Он — крутой, самоуверенный, вызывающе наглый. И все это не пустое позерство. У Града яркая, по-хорошему агрессивная натура. Он красивый, сильный и... э-э-э, ну, чисто для ясности, он сексуальный. Он — чемпион. Он — лучший. Во всем!

В любой компании к нему, так или иначе, народ тянется — и девчонки, и парни. С ним все хотят дружить.

У Ярика пошлые шутки, но он проговаривает их с такой бешеной харизмой, невозможно не смеяться вместе с ним, даже если этот дурацкий юмор затрагивает непосредственно вас. Он сам по себе много смеется, постоянно выдумывает какие-то пранки и выглядит при этом как самый настоящий придурок. Сексуальный придурок.

Иногда он так сильно бесит меня! Я нападаю, и мы, можно сказать, деремся. Ненавижу, когда он продолжает гнать, когда я вне себя! Пытаюсь ударить или поцарапать его, а он ржет и, демонстрируя свое физическое превосходство, скручивает и обез-



движивает меня. Иногда мы, на пике моей злости, деремся настолько яростно, что на грохот сбегаются родители.

На прошлой неделе этот придурок разбил мою любимую настольную лампу. Не случайно! Он выбросил ее в окно, после того, как увидел мою переписку с сокурсником. Переписку по теме семинара! Думаю, оставленные моими ногтями кровавые борозды на плечах этого долбанутого Градского еще не поджили.

Я не умею на него долго злиться. Он никогда не извиняется, но я всегда все ему прощаю.

Порой, конечно, и сама его провоцирую. Не могу объяснить, зачем? Когда он наступает, у меня внутри словно штормовая волна поднимается. Это такие сумасшедшие ощущения! Похоже, у меня от него какая-то нездоровая зависимость. Ярик вызывает к моей темной стороне. Вытаскивает то, что я прячу от других. Он знает все мои слабости и секреты. Ну, почти все... С ним я всегда могу быть собой.

В салоне машины, как всегда, грохочет жесткая провокационная рэп-музыка. Я морщусь и наклоняюсь, чтобы переключить на волну повеселее.

— Святоша! — с наигранной грубостью рывкает придурок Ярик.

Почти сразу за этим его хмурое лицо преобразается та самая самоуверенная ухмылка. Я лишь глаза закатываю и без слов показываю ему средний палец.

Мы серьезно превышаем скорость, но с ним мне никогда не страшно. Улыбаюсь и, откидываясь удобнее на сиденье, прикрываю веки. Прокручиваю в голове самые разные мысли, пока машина плавно не замедляет ход.

Двигатель с тихим урчанием прекращает работу, и я медленно открываю глаза. За стеклом полная

